

В мире культивации существует два вида пилюль перемены лица. Первый - это состав, который после приёма формирует на лице тонкую маску из истинной энергии: для тех, чья сила ниже уровня того, кто использует пилюлю, внешность становится совершенно иной, а более сильные практики видят лишь размытое пятно, как будто перед ними стоит человек, окутанный дымкой извне и пустотой внутри. Однако эффект этой пилюли недолог: как только её пользователь проходит очередной рубеж культивации, маска рассыпается, как пепел в ветре, и лицо возвращается к своему первоначальному виду, будто само тело отказывается скрывать то, что принадлежит судьбе.

Второй вид - по сути, не пилюля вовсе, а живое существо, порождённое древним искусством Гу. Это скорее паразит, чем лекарство; скорее проклятие, чем защита. Пользователь даёт каплю своей крови матке-Гу, и та запечатлевает в себе его подлинный образ. Затем он принимает пилюлю, созданную из потомства этой матки, активирует её своей истинной энергией и пробуждённый Гу начинает путешествие по телу, следуя воле хозяина, внедряясь в кости, перестраивая кровь, изменяя черты до полной неузнаваемости. Этот процесс мучителен: будто тысячи игл вонзаются в плоть, будто каждый сустав переламывается заново, будто сама душа отвергает своё отражение. После завершения преобразования молодой Гу покидает тело и возвращается к матке. Чтобы вернуть прежний облик, нужно либо достичь столь высокого уровня силы, чтобы при испытании Вознесения отсечь влияние той самой капли крови, либо найти матку-Гу, вернуть кровь и позволить паразиту снова пройти через тело, восстанавливая первоначанный облик.

[Гу — магические паразиты, обычно называемые насекомыми или червями, способные производить различные яды, напоминающие проклятия.]

Ли Синлунь без колебаний выбрал второй путь. Только он мог полностью стереть его с лица земли, уничтожить все следы, лишить врагов даже намёка на возможность распознать его. Да, это было больно и рискованно, но зато раз и навсегда. Никаких лазеек, никаких исключений. Он станет новым человеком, и даже если однажды увидит своё старое отражение, оно будет казаться ему чужим, как лицо незнакомца в чужом городе.

Услышав объяснение, Чанькунь Чжуоюй нахмурился и решительно покачал головой:

— Представь, что ты никогда больше не сможешь вернуть своё лицо. Что тебе придётся терпеть муки, будто твоё тело режут на части живьём, ломают кости, переплавляют кровь... Как учитель, я не могу спокойно смотреть, как ты страдаешь. Это действительно необходимо? Почему бы просто не остаться собой? Разве, пока я рядом, кто-то осмелится тебя тронуть? Разве под моей защитой ты не можешь свободно ходить по миру культивации?

Ли Синлунь уже привык к этим вспышкам величия, к постоянным заявлениям о всеисилии, и научился отвечать на них так, чтобы не разрушать иллюзию, но и не поддаваться глупости:

— Конечно, Учитель. Пока вы рядом, мне не страшен ни один враг. Но ведь когда орёл хочет, чтобы птенец научился летать, он сбрасывает его с утёса. Я не могу вечно полагаться на вашу защиту - это слишком тяжело для вас. Мне необходимо стать сильнее, чтобы однажды вы могли идти вперёд, не оглядываясь назад, и не опасаясь за меня.

— ...Логично, — кивнул Чанькунь Чжуоюй, и хотя он был убеждён, в глазах всё ещё читалась тревога. — Но всё равно мне больно думать, что ты будешь страдать.

— Учитель, — мягко сказал Ли Синлунь, искусно переводя тему, — может, нам стоит беспокоиться не о боли, а о том, сможем ли мы вообще достать эту пиллюлю? Ведь даже если я готов к жертвам, она может оказаться недоступной.

— Ты прав, — согласился Чанькунь Чжуоюй, задумчиво глядя подбородок. — Я мало что помню о мире культивации. Расскажи, где можно её найти?

— Гу-яды естественно искать в Мяоцзян, — ответил Ли Синлунь, нахмурившись. — В обычном воинском мире есть секта Пяти Ядов, а в нашем мире культивации - секта Сотни Цветов. Они не относятся ни к праведным, ни к демоническим путям, их считают ни теми, ни другими. Они не стремятся к власти, не вступают в конфликты, не нападают первыми. Их путь - познание Дао через яд, через жизнь и смерть, через муку и возрождение. Они выращивают ядовитых существ, исследуют их, но никого не трогают, если сами не подвергаются нападению. Если хочешь получить Гу, то они с радостью отдадут тебе его в обмен на что-то нужное. Никакого насилия, только торги.

[Мяоцзян [букв. «территория мяо»] — условное обозначение пограничных районов Китая, населённых этническим меньшинством мяо. Изображается как загадочное, экзотическое и опасное место - родина ядов, червей Гу, шаманов и необычных магических практик, подчёркивающих его «инаковость» по отношению к центрам ханьской культуры.]

— О? А что они хотят взамен?

— Не знаю, — покачал головой Ли Синлунь. — Секта Сотни Цветов очень загадочна. Никто не знает, где находится их истинная обитель, и связь с миром культивации осуществляется через посредников - секту Пяти Ядов. Чтобы попасть к ним, нужно пройти Три Испытания Яда. Только те, кто выдержит их, получают право запросить обмен. А что потребуют взамен зависит от того, что им нужно в данный момент. Именно поэтому, хотя секта почти не появляется в мире культивации, у них никогда не бывает недостатка в ресурсах.

— Придётся проходить испытания? — удивился Чанькунь Чжуоюй, но в его голосе зазвучало не раздражение, а искренний интерес, будто он слушал сказку у костра. — Какие именно?

— Не знаю, — снова покачал головой Ли Синлунь. — Я слышал это от старейшин семьи, сам никогда не видел. Нам остаётся двигаться шаг за шагом. К счастью, те, кто напал на меня, не использовали яды, их движения и техники были совершенно иными, не похожими на методы Мяоцзяна, так что вряд ли они имеют отношение к секте Сотни Цветов.

— Отлично! — воскликнул Чанькунь Чжуоюй, его глаза загорелись, как звёзды над пропастью.
— Тогда отправляемся к секте Сотни Цветов и сами пройдем эти Три Испытания!

Увидев этот блеск в его глазах, Ли Синлунь почувствовал, как что-то внутри него, давно сжатое горечью и ненавистью, на мгновение ослабло. Он раньше ненавидел небо, ведь семья Ли никогда не творила зла, веками следовала пути добродетели, и всё же была уничтожена без причины. Его сердце не принимало этого. Но, как сказал однажды Чанькунь Чжуоюй, небо его не бросило. Оно свело его с этим странным человеком на дне Долины Разбитых Душ и дало ему шанс выжить.

Подумав об этом, он вдруг осознал, что всё, что тот говорил оказывалось правдой. Он говорил, что выберется и выбрался. Говорил, что найдёт путь ... и нашёл. Говорил, что у него есть последователи и, возможно, они и впрямь где-то ждут... Может быть, он и вправду был кем-то великим?

Но взгляд его упал на Чанькуня Чжуоюя, который, с серьёзным видом, принялся рвать свой белоснежный рукав, и эта мысль рассыпалась, как пыль. «Нет, невозможно. Такой человек не может быть великой шишкой.»— Эй, что ты делаешь? — воскликнул он, заметив, как тот рвёт ткань, и быстро подбежал ближе.

— Делаю тебе бамбуковый колпак, — ответил Чанькунь Чжуоюй с невозмутимостью истинного мастера. — Я пока не нашёл свою сокровищницу и нечем тебя одарить. Приходится использовать собственное одеяние. Обычный бамбуковый колпак закроет взгляд простых людей, но не остановит божественное зрение культиватора. По пути к пилюле перемен лица нельзя привлекать лишнего внимания, так что пока это лучшее, что я могу предложить.

Ли Синлунь уже видел силу его облачения, способного превращаться в густой туман. Внутри него невозможно было ничего разглядеть, будто слепота охватывала разум. Ни один мастер не смог бы проникнуть внутрь, не зная, кто скрывается за этой пеленой.

На этот раз он не стал благодарить. Просто молча взял созданный из тумана колпак и надел на голову. Большая доброта не требует слов. С того самого момента, как он впервые ступил в тот белый туман на дне долины и встретил Чанькуня Чжуоюя, их пути переплелись так тесно, что слова стали излишними. Когда сердце тронуту по-настоящему, слова умолкают.

Ли Синлунь находился лишь на уровне Формирования Основы. Летать короткие дистанции он мог, но для длительных и быстрых перемещений требовалось оружие, способное служить опорой. Однако все его магические сокровища были уничтожены в ту ночь бойни, и теперь у него не было ничего. Что до Чанькуня Чжуоюя ... его ситуация была не лучше: человек, которому приходится рвать свои одеяния, чтобы сделать колпак, явно не обладал никакими артефактами. Учитель и ученик стояли в равной нищете, без единого достойного оружия, как два странника, потерявших всё, кроме жизни.

— Ну... Мяоцзян не так уж далеко отсюда — примерно тысяча ли. Если наймём повозку и будем ехать несколько месяцев, доберёмся, — попытался успокоить он Чанькуня Чжуоюя, понимая, что тот, вероятно, ожидает чего-то более героического.

— Нет, так не пойдёт, — покачал головой Чанькунь Чжуоюй, задумчиво глядя подбородок. — С

моей силой, даже без магических сокровищ, я должен преодолевать тысячу ли за день.

— Подумай, сколько хочешь, — вздохнул Ли Синлунь, — только, пожалуйста, не начинай снова делать знаки руками. Здесь ты можешь свободно черпать энергию неба и земли, тебе не нужно медитировать, как в долине.

Чанькунь Чжуоюй послушно сел в позу лотоса, поднял взгляд к небу и замер, его лицо стало пустым, как зеркало луны.

Он чувствовал, что в глубинах его сознания хранилось бесчисленное множество техник, знаний, путей, которые никто в мире культивации не мог знать. Но они не приходили к нему, словно древние врата, запечатанные печатью забвения. Только в момент крайней необходимости, под давлением жизни и смерти, они вспыхивали в уме, как молнии в тучах. Именно тогда, на дне Долины Разбитых Душ, когда он отчаянно хотел выбраться, из глубин памяти всплыл тот путь меча... не из памяти, а из самой сути его существа. И теперь он ждал, что снова подтолкнёт его к пробуждению.

Но в этот раз...

— А ты не мог бы научить меня, как черпать энергию неба и земли? — спросил Чанькунь Чжуоюй с таким искренним смирением, будто он действительно был учеником, а не тем, кто только что, стоя на пальцах, рассекал божественную силу одним движением руки.

Ли Синлунь: ...

Хотя он уже привык к причудам Чанькуня Чжуоюя, и даже успел свыкнуться с мыслью, что этот человек говорит о себе как о величайшем мастере, но при этом не может отличить фрукт с кожурой от очищенного, всё же в этот раз его просьба, ввела в ступор.

Ученик учит учителя культивации?

Он стоял молча, словно услышал, как камень поёт песню. В мире культивации принятие учителя - дело священное, почти религиозное: это не просто передача знаний, это связь душ, долг, судьба. Ли Синлунь долго размышлял, прежде чем согласиться стать учеником Чанькуня Чжуоюя, взвешивая каждый его недостаток, каждую странность, полагая, что учтёт всё. Но он не учёл самого главного, что каждый день рядом с этим человеком будет разрушать его представления о реальности, как ветер развеивает пепел старого костра.

Теперь он чувствовал, что после всего, что он пережил с Чанькунем Чжуоюем, ничто в этом мире уже не сможет его удивить. Даже если завтра тот скажет, что луна - это его забытая пилюля бессмертия.

Ли Синлунь глубоко вздохнул, смирился с неизбежным и подошёл к нему:

— У каждого клана свои техники медитации, свои пути обращения к Дао, поэтому я не могу помочь тебе вспомнить твою. Но метод втягивания ци в тело во всех школах он примерно одинаков. Я попробую. Я введу свою истинную энергию в твоё тело и своим способом направлю твою ци, чтобы она начала притягивать энергию неба и земли. Только не сопротивляйся, моя культивация слабее твоей, и если твоя энергия оттолкнёт мою, я либо погибну, либо получу тяжёлое повреждение меридианов.

— Не беспокойся, — кивнул Чанькунь Чжуоюй, закрывая глаза с видом человека, готового к долгому созерцанию.

Они сели друг напротив друга, скрестив ноги, и Ли Синлунь положил ладонь на спину Чанькуня Чжуоюя, ощущая под пальцами странный, почти живой холод, будто касался поверхности древнего хрусталя, внутри которого пульсирует неведомая сила.

Какое доверие нужно, чтобы позволить чужой энергии проникнуть в своё тело, не создавая защиты, не блокируя меридианы, не напрягая ни единого мускула? Разве можно так безоговорочно верить людям? Или Чанькунь Чжуоюй и впрямь не знает, что такое подозрение?

Неважно. В любом случае, он не причинит ему вреда. Ли Синлунь просто должен быть осторожнее в будущем и не допустить, чтобы этот человек доверял всем подряд. Иначе однажды его душа станет приманкой для демонических алхимиков, а имя - насмешкой в летописях.

Отбросив лишние мысли, Ли Синлунь медленно начал вводить свою истинную энергию в тело Чанькуня Чжуоюя, и, следуя знакомому пути, попытался запустить процесс притяжения внешней ци. Обычно, когда Ли Синлунь медитировал, ему требовалось несколько кругов циркуляции энергии, чтобы выстроить гармонию с окружающим миром, настроиться на частоту неба и земли, и лишь потом, постепенно, как капли дождя впитываются в землю, начать поглощать энергию. Это был тихий, размеренный процесс, подобный дыханию спящего ребёнка. Но сейчас, едва он направил ци Чанькуня Чжуоюя к внешнему миру, произошло нечто ужасающее. Энергия неба и земли с голодной жадностью, будто сама пространство раскрылось и бросилось к нему, хлынула внутрь. Не прошло и мгновения, как вокруг них образовался вихрь, затягивающий ци из радиуса в десять ли, как будто вся долина, все горы, все реки подчинились одному-единственному желанию.

И это было не то мягкое, почтительное соединение с миром, которое практикуют праведные культиваторы. Это было пожирание. Прямое, наглое, без спроса - как если бы человек не просил у неба милости, а вырвал её сердце.

Только демоны культивируют так. Только они имеют наглость грабить энергию мира, не прося разрешения, не платя цену поклонением. Именно за это небеса карают их испытаниями, в тысячу раз страшнее, чем для праведных: ведь то, что одни получают даром, другие - крадут.

А Чанькунь Чжуоюй поглощал энергию с такой скоростью, что даже самый прозорливый демонический мастер показался бы рядом с ним скромным юнцом. Центр вихря был в нём, и он

уже не просто принимал ци, он вызывал её, заставлял подчиняться странной, чуждой циркуляции, которой Ли Синлунь никогда не видел: меридианы Чанькуня Чжуоюя двигали энергию не по стандартным путям, а по извращённым, как будто переписывали саму природу культивации.

А бедный Ли Синлунь, всего лишь культиватор уровня Формирования Основы, не мог выдержать такого напора. Его тело стало сосудом, переполненным до краёв, и в следующее мгновение дикие потоки ци, неконтролируемые, неуместные, начали рвать его изнутри, как будто тысячи игл вонзались в каждый орган, как будто его плоть хотела разлететься на части, как будто сама жизнь отказывалась продолжаться под этой мощью. Он был на грани гибели, и всё это происходило потому, что он осмелился коснуться того, что не предназначено для людей.

<http://bllate.org/book/14629/1297984>